

Глава 10

Шэнь Чэнь осторожно открыл сначала железную, а затем и деревянную дверь. Только войдя внутрь, он понял, что, уходя, кажется, не включал свет.

На обеденном столе стояла тарелка со свежеприготовленной лапшой, от которой вился пар. В воздухе витал аромат кунжутного масла.

Это была самая обычная домашняя лапша с помидорами, зеленью и яйцом-пашот.

Юноша взглянул на плотно закрытую дверь в комнату старушки. Его желудок, привыкший к изыскам, заурчал при виде этой простой еды.

Нельзя было отрицать — на сердце у него потеплело.

Он сел за стол и принялся есть. Такого вкуса не могли добиться повара в его доме. Это был вкус, с которым она росла с самого детства.

Когда голод был утолён, Шэнь Чэнь отнёс пустую тарелку и палочки на кухню. Поколебавшись, он открыл кран.

Жирные руки вызвали у него отвращение, но, начав мыть, бросать на полпути было бы неправильно.

Когда он потянулся за бумажным полотенцем, чтобы вытереть руки, его локоть задел плохо вымытую тарелку. Она со звоном упала на пол и разлетелась на куски.

Шэнь Чэнь лишь молча смотрел на осколки.

Старушка, которая не спала, вышла из комнаты с мрачным лицом. Увидев беспорядок на полу, она вспылила:

— Ты нарочно, да?

Она взяла веник и совок, чтобы убрать осколки, не переставая ворчать:

— И впрямь, задолжала я вашей семейке Шэнь. Один за другим являетесь, чтобы мою посуду бить...

Краем глаза старушка заметила жирные руки внука и тут же осеклась. Бросив ему флакон с моющим средством, стоявший на подоконнике, она проворчала:

— Даже не знаешь, что посуду надо мыть со средством. Ну и бестолочь.

Шэнь Чэнь молча мыл руки, не споря и не обращая внимания, словно ругань его не касалась.

В одиночку долго не поругаешься. Женщина выбросила осколки в мусорное ведро, и её ворчание наконец стихло.

— Как ты до такого докатился? — спросила она. — А отец твой где?

Она вспомнила, что тот полицейский по телефону сказал, будто её внук никому не нужен.

На кухне было тесно. Шэнь Чэнь тщательно мыл палец за пальцем. Не оборачиваясь, он спокойно солгал:

— Мой отец давно женился снова, у него ещё несколько сыновей родилось. Теперь я ему не угоден, боится, что буду претендовать на наследство, вот и выгнал, разорвав все отношения.

Старушка сплюнула на пол.

— Я же говорила, что твой отец — подонок. Чтоб его небеса покарали.

Больше она не обращала на Шэнь Чэня внимания. Не сказав ни слова утешения, она вернулась в свою комнату.

Их разделяла лишь стена. Юноша лежал, подложив под голову кролика, и вертел в руках маленького мишку, снятого с рюкзака.

Их разделяла лишь стена. Старушка сидела на краю кровати, на коленях у неё стояла фоторамка. В рамке была фотография семьи из трёх человек.

Тогда она была молода, тогда её муж был жив, тогда её дочь в школьной форме лучезарно улыбалась.

Кабинет президента был светлым и чистым. Обстановка — простая и сдержанная, в холодных тонах.

Гу Чжэнцин подписал несколько документов. В дверь постучал специальный помощник Ли.

— Господин Гу, приехала юная госпожа.

Мужчина удивился и отложил ручку.

Не успел он выйти ей навстречу, как Гу Цзиньюэ, придерживая живот, уже вошла в кабинет. Она взяла у идущей за ней няни термос. Гу Чжэнцин поспешно забрал его у неё.

— Почему ты здесь, а не дома?

Гу Цзиньюэ была внучкой старого боевого товарища его деда. Она приехала в их дом в три года, и они с Гу Чжэнцином были очень близки — не родные, но ближе, чем многие родные.

Сейчас девушка ждала уже второго ребёнка. Её улыбка была такой же милой, как и раньше, и было видно, что в браке она счастлива.

Она взяла брата под руку и капризно сказала:

— Помощник Ли сказал мне, что ты последние несколько дней плохо ешь. Я привезла тебе обед и прослежу, чтобы ты всё съел.

Гу Чжэнцин помог ей сесть на диван и поставил термос на стол, открывая контейнеры один за другим.

— Как щедро, — улыбнулся он.

Гу Цзиньюэ улыбнулась в ответ.

— Конечно. Брат, ты должен хорошо питаться, иначе я буду приезжать каждый день. Тебе же не будет совестно заставлять меня с таким животом таскаться сюда в такую жару? И ещё, у тебя слабый желудок, пей меньше алкоголя и не забывай принимать лекарства, которые прописал врач. Не относись к этому легкомысленно.

Мужчина протянул ей палочки, но она покачала головой.

— Я уже поела дома. Это всё для тебя.

Гу Чжэнцин посмотрел на три блюда, суп и миску риса на столе.

«...Что ж, ладно»

— Меньше обо мне беспокойся, лучше о себе позаботься.

— А кто о тебе позаботится, если не я? Не думай, что я не знаю...

Последние слова она произнесла тише, и Гу Чжэнцин не понял:

— Не знаешь чего?

— Про тебя и Цзи Хаоюя, — с обидой сказала Гу Цзиньюэ.

Гу Чжэнцин: ???

«Он-то думал, что всё хорошо скрыл. Оказывается, все всё знали?»

— Ты мой брат, — объяснила девушка. — Я часто бываю у тебя дома. К тому же, ты перестал гулять. Даже если ты был осторожен, как я могла не заметить? Три года подряд. Я уж думала, ты остепенился. А этот Цзи Хаоюй оказался таким подонком.

Гу Чжэнцин продолжал есть.

— Ему нужно было защищать свою семью. Я понимаю его выбор. На его месте я поступил бы так же.

Гу Цзиньюэ странно посмотрела на него.

Мужчина поднял на неё глаза.

— Ладно, — вздохнула она. — Я просто хотела посмотреть, переживаешь ли ты. И знаешь, брат, ты всё такой же бессердечный. Три года вместе, и ни капли грусти.

Гу Чжэнцин беспомощно и в то же время сердито усмехнулся.

— А, так ты не жалеть меня пришла, а посмеяться надо мной, да?

Гу Цзиньюэ хихикнула, но через мгновение её улыбка угасла.

— Но, брат, если сможешь, найди кого-нибудь и остепенись. Найди Бету и создай семью.

Её глаза покраснели, и она, опустив голову, тихо добавила:

— Я знаю, ты очень ценишь семью.

Люди называли её брата ветреным, говорили, что он меняет партнёров как перчатки. Но Гу Цзиньюэ знала, что он просто был под огромным давлением и слишком одинок. Он был не бессердечным, а слишком рациональным. И никто из тех, кто был с ним, не смог достучаться до его сердца.

Их семья... Дедушка, папа и мама умерли. Она вышла замуж, у неё был свой муж, своя дочь.

Только её брат остался один, с пустотой в сердце.

— Живи своей жизнью и не волнуйся за меня, — сказал Гу Чжэнцин с улыбкой, в которой смешались беспомощность и веселье. — Когда это я себя обижал?

— Ладно, — буркнула сестра недовольно. — Некоторые обиды от тебя не зависят.

Но больше она ничего не сказала.

Специальный помощник Ли принёс ещё несколько документов и виновато положил их на стол.

— Брат, — сказала Гу Цзиньюэ, — не ругай помощника Ли за то, что он мне всё рассказал. Иначе в следующий раз он будет от меня всё скрывать, и я устрою тебе скандал.

Гу Чжэнцин взглянул на уткнувшегося в бумаги помощника Ли и кивнул.

Цзиньюэ повернулась к помощнику и радостно показала ему знак «V».

Обед, принесённый сестрой, мужчина так и не доел. Он подписал несколько срочных документов, отвёз Гу Цзиньюэ в её любимую кондитерскую, а затем домой, в особняк семьи Чжао.

Сейчас не было часа пик, и на дорогах было относительно свободно.

— Как там Ноно в последнее время? Скоро в школу, опять, наверное, капризничает, не хочет идти?

— Вроде ничего. Говорит, что скучает по дяде.

— Когда разберусь с делами через пару дней, свожу её поужинать. Пусть заранее думает, какой подарок хочет к началу учебного года.

— Я ей передам, она наверняка обрадуется.

— «Наверняка»? — Гу Чжэнцин уловил неуверенность в её голосе.

При мысли о дочери улыбка сошла с лица матери.

— Последние несколько месяцев Ноно стала какой-то непослушной.

— Непослушной? Так рано, — удивился Гу Чжэнцин.

Ей ведь всего пять лет.

— Когда я в прошлый раз брал её гулять, не заметил ничего такого.

— Да, — кивнула Гу Цзиньюэ. — Она стала очень тихой. Если я делаю ей замечание, она начинает спорить. Вчера, например, я хотела почитать ей сказку на ночь, а она велела мне уйти и не мешать ей спать.

Загорелся красный свет. Гу Чжэнцин нажал на тормоз, нахмурившись.

— Может, её в садике обидели перед каникулами?

Эта мысль не давала сестре покоя.

— Мы с Чжао Вэньбо тоже так подумали. Я говорила с воспитательницей, она сказала, что Ноно в садике ведёт себя как обычно, с другими детьми не ссорится.

— Проверяли?

— Проверяли. Я даже тайно положила ей в рюкзак диктофон. Наверное, просто повзрослела, появились свои секреты. Брат, не волнуйся, мы с мужем справимся.

— Хорошо. Если что, звони.

Машина подъехала к вилле семьи Чжао. Увидев, что Чжао Вэньбо уже ждёт у ворот, Гу Чжэнцин не стал выходить, чтобы открыть сестре дверь.

Гу Цзиньюэ взялась за ручку двери.

— Брат, может, зайдёшь на минутку?

— В другой раз, — как обычно ответил Гу Чжэнцин. — Сегодня много дел.

— Ну, ладно, — разочарованно сказала она.

Едва она приоткрыла дверь, как Чжао Вэньбо уже был рядом. Он распахнул дверь, помог жене выйти и, обращаясь к Гу Чжэнцину в машине, сказал:

— Брат.

Гу Чжэнцин слегка кивнул ему и сказал сестре:

— Я поехал в офис.

Машина умчалась. Чжао Вэньбо, обняв жену, утешил:

— Ничего, жизнь длинная.

Гу Цзиньюэ кивнула.

Они с Чжао Вэньбо были однокурсниками. Он был красив и талантлив, и Гу Цзиньюэ была в него тайно влюблена. Однажды, когда у него внезапно началась течка, она из сочувствия подошла слишком близко и получила временную метку.

Позже они начали встречаться и, ещё не окончив университет, родили Ноно.

Поскольку Гу Цзиньюэ любила его, у них был ребёнок, а семья Чжао была вполне приличной, и родители мужа отнеслись к ней с уважением, Гу Чжэнцин скрепя сердце согласился на этот брак.

Но за все эти годы он ни разу не взглянул на Чжао Вэньбо по-доброму и ни разу не переступил порог их дома.

Цзиньюэ обижалась за мужа, обвиняла брата в несправедливости.

А Гу Чжэнцин говорил лишь одно:

— Человек, который в течке превращается в зверя, не достоин моей сестры.

Тогда девушка, сгоряча, крикнула:

— Ты Бета, у тебя нет течки, ты просто не понимаешь...

Эти слова ранили Гу Чжэнцина и причинили боль самой Гу Цзиньюэ. С тех пор она больше не смела заступаться за мужа и не смела просить брата принять Чжао Вэньбо.

Пасмурное небо затянуло туманом, и пошёл мелкий дождь. Капли собирались на лобовом стекле, и дворники смахивали их.

В машине Гу Чжэнцин был один. Он положил руку на край окна и, глядя на прохожих, снова вспомнил слова сестры: «Ты Бета, у тебя нет течки, ты просто не понимаешь».

Она была права. Он никогда не испытывал течки и не мог понять, насколько это может быть жестоко.

В офисе Гу Чжэнцин позвонил по внутреннему телефону и вызвал специального помощника Ли.

Тот немедленно вошёл.

— Проверь детский сад «Клубничка». Узнай, не обижали ли Ноно в последнее время.

Помощник на мгновение замер, а затем встревоженно спросил:

— Ноно обидели в садике?

— Не уверен. Проверь. У неё сейчас какое-то странное настроение.

— Я немедленно распоряжусь, — серьёзно ответил помощник Ли.

Мелкий дождь шёл два дня. На третий он превратился в морось. Гу Чжэнцин ответил на несколько сообщений в WeChat. Пролистывая чаты, он снова наткнулся на аватарку с изуродованным мишкой.

Посмотрев на неё некоторое время, он сохранил картинку в фотоальбом.

От скуки захотелось подразнить добычу.

[Азазель: Чем занимаешься?]

<http://bllate.org/book/16010/1569793>